

УДК 82-1:398

***ОБРАЗЫ И МОТИВЫ НАРОДНОЙ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ
(НА ФОЛЬКЛОРНОМ МАТЕРИАЛЕ, СОБРАННОМ В РЕСПУБЛИКЕ
МОРДОВИЯ)***

Агапова Д. М.

студент,

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский

государственный университет им. Н. П. Огарёва»,

г. Саранск, Россия

Аннотация

В статье анализируются духовные стихи, записанные на территории Республики Мордовия в 2000-2018 гг. Авторы выявляют в фольклорных произведениях мотивы скорби, смерти, мученичества и др. В качестве основных образов называются Господь, святые, Богородица, человек и др. Показывается специфика отражения в народной духовной поэзии картины мира.

Ключевые слова: духовная поэзия, духовные стихи, образ, мотив, жанр, фольклор.

***IMAGES AND MOTIVES OF FOLK SPIRITUAL POETRY (ON FOLK
MATERIAL COLLECTED IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA)***

Agapova D. M.

student,

National Research Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russia

Abstract

The article analyzes spiritual poems recorded on the territory of the Republic of Mordovia in 2000-2018. The authors reveal the motives of grief, death, martyrdom, etc. in folklore. The Lord, the saints, the Mother of God, the man, etc. are called as the

main images. The peculiarity of reflecting the picture of the world in the folk spiritual poetry is shown.

Key words: spiritual poetry, spiritual poems, image, motive, genre, folklore.

Народная духовная поэзия – явление устойчивое и непреходящее. Возникшие как отклик на процесс христианизации Руси, духовные стихи прошли длительную эволюцию, превратившись из «странствующего вида поэзии» в самостоятельный фольклорный жанр. Как пласт фольклора духовная лирика обширна и неоднородна. Появление духовных стихов в фольклоре принято относить к XI веку, именно к этому времени грамотные люди смогли сделать первые шаги в сторону постижения новой религии, принятой в конце X столетия.

Изучение духовных стихов начинается с середины XIX века, когда публикуются сборники П. В. Киреевского, П. А. Бессонова, В. Варенцова [2], [6], [14]. В центре внимания первых исследователей оказались вопросы происхождения стихов, их фольклорной природы, самобытности и оригинальности.

Е. Ф. Будде связывал изучение духовных стихов с решением важных вопросов «как из истории культуры Русского народа вообще, так и из истории развития и влияния на Русский народ христианских идей в частности» [3, 1].

Советская фольклористика по понятным причинам оставляла народную духовную поэзию без должного внимания, за исключением отдельных публикаций, и интерес к ней актуализировался лишь в кризисную эпоху 90-х годов конца XX века, когда запрет на «упаднические» жанры был снят. В центре внимания современных учёных жанровая специфика духовных стихов, принципы их классификации, поэтические особенности и т.д. [1], [4], [7], [8], [9], [10], [11], [13], [17], [18].

Перспективным направлением в изучении народной духовной поэзии выступает рассмотрение специфики её бытования в современном обществе, по-

скольку «на каждом этапе своего существования и развития духовные стихи, в какой-то степени характеризуют состояние духовной культуры народа, его духовных запросов, особенностей и религиозной организации» [12, 42].

Относительно духовных стихов в составе русского фольклора справедливо высказался Ф. М. Селиванов: «Русский фольклор без духовных стихов не может быть признан целостным явлением. Духовные стихи не представляют в нем изолированного круга произведений» [Цит. по: 15, 144].

Цель данной работы - выявить образы и мотивы народной духовной поэзии, бытующей на территории Республики Мордовия и не получившей до настоящего времени обстоятельного рассмотрения в мордовской фольклористике, за исключением отдельных работ [5], [16].

Актуальность исследования определяется возросшим научным интересом к духовным стихам как ценному источнику сведений о духовной культуре русского народа.

Материалом послужили произведения, собранные в ходе полевых экспедиций на территории Республики Мордовия студентами Мордовского государственного университета в 2000-2018 гг.

В современной Мордовии духовные стихи получили наибольшее распространение на территориях, близких к крупным монастырям и храмам (Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь в г. Темников, Параскево-Вознесенский женский монастырь в с. Пайгарма Рузаевского района, Тургеневский-Казанский мужской монастырь в с. Тургенево Ардатовского района и др.), что объясняется спецификой бытования фольклорной традиции в данных населенных пунктах.

В зафиксированных произведениях можно выделить следующие мотивы:

1) мотив бренности и мимолетности земного бытия («Скорбь», «Утешенье во время скорби» и т.д.).

Земная жизнь в таких стихах предстает цепочкой испытаний, выпавших на долю человека. Скорбь и уныние, вызванные потерей близких, одиночеством, болезнями и т.д., понимаются как наказание за грехи людей, забывающих о дне смерти, о том, что в этом мире все - странники и гости. Стихи пронизаны мыслью о временности земного и бесконечности загробного. Они призывают человека обратиться к вере, помнить о Боге и надеяться на его великодушие и прощение:

Если жизнью измучен бываешь
И труды непосильны тебе,
Если тяжко душой ты страдаешь,
Изнывая в неравной борьбе,
Если вера тебя покидает,
И надежда начнёт оставлять,
Если сердце от боли рыдает,
Если станешь на долю роптать,
Если сил не хватает порою,
В Божий храм ты скорей поспеши!
Приходи перед иконой Святою,
Помолись, помолись от души (зап. от Минеевой Е. В., 1929 г. р.).

2) мотив прощания с близкими.

Отметим, что такие стихи составляют более половины репертуара. По форме они могут быть монологом от лица покойного, который рассказывает «братьям и сестрам» о мучительной дороге души на тот свет, о её неизбежной расплате за земные прегрешения, о тоске по «родичам» и, наконец, о прекрасной райской жизни (если она её удостоилась) («Сороковой день», «Сорок дней», «Кисельная песня» и т.д.).

Широкое распространение в РМ имеет стих «На всех светит солнце», исполняемый в день похорон после поминальной трапезы. Это прощальный плач покойного, обращенный к близким с просьбой молиться за его грешную душу, поскольку предстоящие сорок дней – время, когда Господь определяет её последующую судьбу:

И глаза закрылись, прощай, вольный свет!

Мне одна дорога – идти на ответ.

<...>

Все мои родные, все мои друзья,

Просите Владыко, чтоб простил меня.

Психологизм повествования усиливается повторением вариаций строк на тему расставания с близкими и осознания необратимости времени:

Ах, как тяжело уходить от вас,

Но, друзья, родные, это ждет и вас (зап. от Ламзиной А. А., 1934 г. р.).

В отличие от предыдущих, поминальные стихи, исполняемые на 40-ой день, считающийся в христианской традиции днём окончательного перехода души в иной мир, менее трагичны. Душа уже получила представление о загробном мире и теперь смиренно ожидает вердикта. Такие канты ярко и убедительно передают сформировавшиеся в народном сознании представления о посмертных мытарствах человеческой души, которая «на поклон к Богу ходила» и теперь жаждет поделиться впечатлениями от увиденного:

Как на каждой на ступеньке

Я задержана была.

А последняя ступенька

Самой страшною была.

Окружила вражья сила,

Трепетала бедная.
А куда же ангел скрылся?
Я осталася одна.

И я встала на колени,
Стала Господа просить:
«Ты, Иисусе мой сладчайший,
Меня, грешную, спаси» (зап. от Селькуновой Н. Ф., 1926 г. р.).

3) молитвенные мотивы («Моя молитва», «Мира заступница, мать всепетая...»), «Молитва», «Келья» и т.д.).

Молитвенные стихи обращены непосредственно к Творцу и содержат в себе традиционные просьбы о прощении, утешении в скорби, исцелении души, избавлении от страданий и т.д. Молитва может звучать как от первого лица:

К тебе, о Мать Пресвятая,
Дерзаю вознести мой глас.
Лицо слезами омываю,
Услышь меня в сей скорбный час!

Пришли теплейшее моленье,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце утешенье,
На путь спасения направь (зап. от Минеевой Е. В., 1929 г. р.),

так и в косвенной форме, т.е. как совет нуждающемуся в нём человеку, как и что Господу следует сказать, чтобы склонить его в свою сторону:

В Божьем храме найдёшь облегченье,
От тяжелых трудов отдохнёшь,
Все твои разрешатся сомненья,
Если душу в слезах изольёшь,

Ты с надеждой и верой святою
Будешь жизненный путь проходить,
Когда станешь во храме с мольбою
Утешенья у Бога просить.
От унынья молитва спасает,
Сил для жизни она подает,
Веру в людях она подкрепляет,
Всяк в молитве отраду найдет (зап. от Минеевой Е. В., 1929 г. р.).

Отметим, что последние примеры – отрывки из литературных произведений (первый из стихотворной “Молитвы” Н. В. Гоголя, автор второй не установлен, но её литературное происхождение не вызывает сомнения), вошедших в народный репертуар и подвергшихся варьированию и трансформации, что является обычным явлением в фольклоре.

Лирический герой духовной поэзии скорбит по поводу расставания с родными, переживает от неизвестности за свою будущую участь, мучится от осознания земных грехов. Он обращается к святым с просьбой о прощении, осознав, что путь к спасению идёт через слёзы и искреннее покаяние. Внутренний мир лирического героя глубок и многогранен. Важную роль в его раскрытии играет приём психологизма («Мой духовный сад, как запущен ты!»). Традиционные эпитеты («грешный раб», «слезы горькие») и метафоры («тучею нетерпения», «глас мольбы») передают образную картину мытарств души, её страхов и страданий

Пробудись от сна, посмотри кругом,
Где ты спишь, душа? Что в саду твоём?
Чёрной тучею нетерпения
Скрыла светлый луч умиления.
Глас мольбы твоей, посмотри, застыл,

И унылый дух в нищете изныл. (зап. от Курочкиной Т. Н., 1936 г. р.)

Образная система современных духовных стихов представлена следующими персонажами:

1) Бог (Господь, Иисус) часто выступает центральным героем лиро-эпических произведений. Например, в стихе «Христос с учениками из храма выходит», построенном в форме диалога Иисуса с апостолами, спаситель предстаёт мудрым и строгим, прозорливым и категоричным. Иисус пророчит будущие беды и скорби тем, кто нарушает христианские запреты и не беспокоится о спасении своей души, и призывает к покаянию и молитве:

Молитесь, чтоб вера у вас не закрылась

<...>

Угаснет надежда в сердцах, охладает любовь,

И многие люди тогда соблазнятся,

Прольют непровинную кровь,

Великие скорби сольются на землю,

И страшные муки придут... (зап. от Терёхиной В. А., 1950 г. р.).

Эмоциональный настрой канта задаётся эпитетом «печальное слово», который помещён перед ответом Христа на вопрос его учеников.

В других произведениях образ Господа традиционно выступает олицетворением небесного царя, творца и высшего праведного судии (например, «Слава Богу за всё», «Моя молитва» и т.д.).

2) Святые мученики (Алексей, Николай и др.). Эпические духовные стихи повествуют о жизни святого, его мученических подвигах во имя веры («Песнь об Алексее, Божьем человеке»), лиро-эпические содержат сюжет о его помощи земным людям и содержат молитвенное обращение к нему («Святой Великий Николай»).

Так, В «Песне об Алексее, Божьем человеке» последовательно повествование ведётся от первого лица. Герой рассказывает, как он женился и ушёл из дома странствовать, а спустя годы вернулся неузнанным и жил в конюшне. Лишь перед смертью пишет родным письмо, в котором признаётся, что он их родственник, и просит его простить. Стих построен на контрасте между прошлой благополучной жизнью героя и его мытарствами, в ходе которых он открыл путь у Богу. Символичным в произведении выступает эпизод с переходом в иную жизнь: меняя одежды герой словно меняет свою суть:

Костюм новый с нищим братом

Поменял я на рваньё...

В стихе явно прослеживается связь с библейской притчей о блудном сыне. Сам Алексей сравнивает себя с раскаявшимся отпрыском:

Я как блудный сын решился

К отцу странником прийти» (зап. от Лилековой А. А., 1939 г. р.).

Однако в отличие от библейского «блудного сына» он довольствуется лишь возможностью быть рядом с родными, продолжая свой путь служения истинному отцу – Господу.

Кант «Николай Угодник» выстроен в форме молитвенного обращения лирического героя к святому. Грешник характеризует Николая Угодника как помощника всех страждущих («Ты всем помошнице Великий»).

Образ Святого в произведении традиционно идеализируется, его щедрость, доброта, человечность изображаются с помощью гипербол:

И ты щедротами своими

Спасал на море корабли.

<...>

Чудес неисчерпаемое море

Угодник Божий сотворил,

Лишь только где явилось горе,

Ты всем на помощь приходил.

Лирический герой испытывает чувство глубочайшего преклонения перед человеколюбием Николая Угодника, которого называет «родным»:

Ты всем помошнике Великий,

Для всех являешься, родной... (зап. от Царёвой Н. М., 1940 г. р.).

3) Усопший.

Этот образ является центральным в поминальных кантах (например, «40 дней», «Сороковой день» и т.д.), выстроенных, как правило, в форме лирического монолога от первого лица. «Душа скорбящая», ещё не получившая место в загробном мире, в течение мучительных сорока дней переживала осознание расставания с близкими, своей греховности и отчуждения от мира живых. Герой остро переживает одиночество, но самым страшным наказанием для него станет забвение:

Я лежу в могилке уже сорок дней.

Все мои тропинки заросли травой,

Всем родным я стану словно как чужой.

Драматизм повествованию придают психологические эпитеты («грех великий, тяжкий»), метафоры («Жизнь была печальна, скорбна и трудна»), антитезы (родным - чужой). Однако финал стиха меняет трагическую тональность на светлую. Герой начинает жить надеждой на новую встречу и вечное соединение с родными в загробном мире:

Все мы будем вместе, придёт этот час,

И опять увижу здесь я вас (зап. от Волковой Е. Д., 1943 г. р.).

На «духовном собрании» («Сороковой день»), куда «сроднички» «пришли душу навестить», героиня делится с близкими пережитым. Сорок дней после смерти дались ей нелегко. Путь к Господу был мучительным и трудным:

Ни часочка не спала!
На поклон к Богу ходила,
Все по лесенке я шла.

«Душа грешная» осталась одна, ангел оставил её. В конце тернистого пути она обращается за прошением и помощью к Господу и к Святителю Николаю:

Ты, Иисусе мой сладчайший,
Меня, грешную, спаси.

<...>

Уж ты, отче мой святитель,

Меня, грешную, спаси.

Я прошу тебя со слезами,

Со ступеньки проводи.

Мученица знает, что именно сегодня решится её судьба, и безропотно отдаёт себя на суд Божий, осознавая степень своей греховности:

Нынче будет мне решенье,

Куда Господь определит.

Повествование в стихе движется неторопливо и размеренно: слушатель должен получить обстоятельное представление о неизбежном наказании за грехи. Эмоциональное воздействие стиха усиливается с помощью контраста между адом и раем «земным» и «небесным», «мирским» и «божественным». Важную роль в создании драматического пафоса играют традиционные эпитеты («мука вечная», «рай вечный»):

Если к Богу я угодна,

То в рай вечный поселит.

Если много я грешила,

В муку вечную вселит.

Сама душа определяет себя как «грешную», но раскаявшуюся и исполненную надежды на прощение:

Ты, Иисусе мой сладчайший,

Меня, грешную, спаси (зап. от Селькуновой Н. Ф., 1926 г. р.).

4) «сродничек» покойного, страдающий после смерти близкого человека.

Герой таких произведений испытывает тоску и близок к отчаянию, воспринимаемому как тяжкий грех. Он нуждается в утешении и нравственном наставлении. В стихе литературного происхождения «Утешенье во скорби», вошедшем в народный репертуар, содержится назидание человеку, предавшемуся скорби как эгоистической страсти, заслонившей веру в божественную справедливость:

Когда душа твоя тоскует,

Надежды гаснут, как огни,

Над правдой клевета ликует,

Кругом тебя враги одни,

Когда в борьбе слабеют крылья,

Беда приходит за бедой,

И плачешь ты в тоске бессилья,

Не забывай, что Бог с тобой! (зап. от Козыревой М. А., 1936 г. р.)

Глубина переживаний героя передаётся здесь с помощью цепочки ярких метафор («душа тоскует», «надежды гаснут», «клевета ликует», «слабеют крылья», «беда приходит», «тоска бессилья»). Образное сравнение «надежды гаснут, как огни» передаёт динамику чувства разочарования, которому предаётся замкнувшийся в своём горе человек.

Анализ фольклорного материала позволяет сделать вывод о том, что устная духовная поэзия продолжает оставаться важным источником сведений о народных религиозных представлениях. В последнее время наблюдается по-

вышенный интерес к духовным стихам, связанный с непрекращающимся поиском нравственных и культурных общественных ориентиров. Сложившиеся много веков назад, духовные стихи прошли долгий путь, претерпевая жанровую трансформацию и превращаясь из "странствующего" вида поэзии в "монастырский", "старообрядческий" и т.д. Но при этом они не утратили своей главной функции – утверждать важные нравственные ценности: жертвенность, сострадание, праведность, доброту.

Библиографический список:

1. Бахтина В. А. Духовные стихи в свете повторных записей / В. А. Бахтина // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: (доклад III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). – Петрозаводск, 2000. – С. 16-24.
2. Бессонов П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследование в 2 т. Т. 1 / П. А. Бессонов. – М.: В типографии А. Семена, 1861. Т. 1. – 546 с.
3. Будде Е. Ф. Место и значение духовного стиха в истории русской народной словесности: (Интересные вопросы стихов космогонического характера) // Филологические записки. - 1883. - Вып. 3. - С. 1-28.
4. Видманкина А. В. Духовный стих как жанровый элемент фольклорной традиции // Огарев-online. – 2013. – №7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/dukhovnyjj-stikh-kak-zhanrovyjj-ehlement-folklornojj-tradicii> (Дата обращения 07.11.2019)
5. Духовные стихи // Русский фольклор Поволжья [Текст]: хрестоматия / под ред. А. М. Каторовой, В. И. Рогачева. – Саранск: ГОУ ВПО "Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева", 2011. – С. 42-46.
6. Киреевский П. В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 1-10. – СПб., 1860-1874.

7. Кожевникова Т. В. Особенности поэтики русских покаянных духовных стихов XVI-XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 177 с.
8. Коробова А. В. Эпические духовные стихи о Страшном Суде (фольклорная трансформация источников: литературных, литургических и иконографических): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 174 с.
9. Косятова С. С. Русские народные духовные стихи Калужско-Брянского пограничья: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2012. – 266 с.
10. Мухина Е. А. Динамика текста эпического духовного стиха (на материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый»): дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2006. – 254 с.
11. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.–189 с.
12. Оккель В. А. Фольклор и богослужебные песнопения в духовных стихах / В. А. Оккель, Л. Ю. Егле // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Духовные основы славянской культуры. - 2008. - №7. – С. 38-44.
13. Петров А. М. Числовые модели в поэтике русских духовных стихов (категории времени и пространства / А. М. Петров // Вестник Московского университета. – 2014. – Серия 9: Филология. – С. 7-24.
14. Сборник русских духовных стихов / сост. В. Варенцов. - СПб., 1860. – 251 с.
15. Ф. М. Селиванов Русские народные духовные стихи: Учеб. пособие для филол. ф-тов. – Йошкар- Ола: Изд-во МарГУ, 1995. – 160 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/selivan/text.pdf> (Дата обращения 07.11.2019)

16. Тростина М. А. Духовные стихи в устной традиции русского населения Мордовии : жанровые разновидности, тематическая классификация // Духовная традиция в русской литературе : сборник науч. статей. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2009. – С. 488 – 492.
17. Федоровская Н. А. Духовный стих в русской культуре: дис. ... д-ра искусствоведения. – Владивосток, 2010. – 390 с.
18. Юровская О. Л. Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области: дис. ... канд. искусствоведения. – Челябинск, 2017. – 447 с.

Оригинальность 87%